

ГЛАВА 1

Холодный ветер гнал мелкий песок по растрескавшейся земле, поднимая крошечные спирали пыли, которые тут же рассыпались, будто и не существовали вовсе. Каждый шаг отдавался болью в простреленном боку Рубина — глухой, нарастающей, словно кто-то забивал в рану раскаленный гвоздь.

Повязка, которую Рубин наспех намотал часа три назад, уже промокла и липла к коже, а кровь продолжала сочиться, медленно, но неумолимо истощая его силы и напоминая о том, что время уходит. Его время.

Рубин знал, что они где-то рядом. Его бывшие «друзья» по отряду, с которыми делили последнюю банку консервов, прикрывали друг друга в перестрелках, теперь шли по его следу, и в их глазах читалось только одно — недоумение. Они смели осуждать его, но Рубин не мог поступить иначе.

А может, это паранойя играла с ним злую шутку. Зона всегда была мастером на такие дела: она знала, как разрушить человека изнутри, прежде чем он встретится лицом к лицу с настоящей опасностью. Небо затянулось низкими серыми тучами, будто сама Зона оплакивала то, во что превратились люди внутри нее. Редкие капли дождя падали на лицо Рубина, смешиваясь с потом и кровью. Он сполз в очередную крупную воронку — одну из тех, что усеивали дорогу. Стены ямы были покрыты трещинами, по которым стекала грязная вода, собираясь в небольшие лужи-

цы на дне. Рубин прислонился к сырой стене, чувствуя, как холод проникает сквозь одежду. Силы уходили, как песок сквозь пальцы, а в голове крутились обрывки воспоминаний о том, что он так старательно пытался забыть.

Вдалеке слышался едва различимый шорох. Хотя, скорее всего, он раздавался только в его воспаленной голове. Не аномалия — шаги.

Его преследователи методично прочесывали территорию, зная, что раненый долго не протянет. В этих местах медлительность равнялась смерти. А Рубин сейчас был медлителен как никогда. Его правая рука сжимала пистолет, пальцы скользили по холодному металлу. Левая безвольно висела вдоль тела — вторая пуля задела плечо, и каждое движение отзывалось резкой болью. Даже дышать становилось трудно, будто воздух стал гуще, тяжелее. Рубин приложил к глазам бинокль — подарок одного из тех, кто теперь охотился за ним. В полумиле к северу заметил движение. Два силуэта, использующих как прикрытие руины. Рубин сам и научил их. Научил правильно двигаться, маскироваться, выслеживать добычу. Иронично же? Они продвигались быстро, но аккуратно, проверяя каждую тень. Если бы Рубин оказался на их месте, то действовал бы точно так же. Однако сейчас он был дичью, а они — охотниками.

Рубин отстегнул фляжку, сделал маленький глоток. Вода казалась горькой, как и все вокруг. Патроны были на исходе, несмотря на несколько запасных магазинов. Против двух человек достаточно, но для того, чтобы выжить одному в Зоне, катастрофически мало. Да даже если бы боезапаса было вдоволь — какая разница? Смог бы он выстрелить хотя бы в одного из

тех, кого сам «кинул»? Данный вопрос терзал Рубина с того момента, как стало понятно, что за ним открыли охоту. Он не мог найти ответ, и это сводило с ума еще больше, чем раны и усталость.

Собрав последние силы, Рубин поднялся. Тело протестовало, но выбора не было: нужно двигаться дальше, найти укрытие получше, замести следы. Как знать, вдруг удастся добраться до тех, кто поможет? Кто-то же поможет? По крайней мере, так думалось раньше. Мысли путались, и Рубину становилось страшно — не за свою жизнь, а за то, что он мог ошибаться. Что его ждала засада. Дождь усиливался, смывая следы крови. Хорошо хоть не кислотный. Зона словно давала ему шанс. Но какой ценой пришлось бы заплатить за него? И стоило ли оно того вообще?

Вопросы вертелись в голове, пока Рубин крался по мокрой местности, прислушиваясь к каждому шороху. Ветер шептал что-то неразборчивое, будто пытался предупредить о чем-то. Или, наоборот, заманить в ловушку. Здесь нельзя было доверять ничему — ни звуку, ни даже собственным ощущениям.

Иногда Рубину казалось, что лучше было остаться с ними. Принять пули как должное. Но что-то продолжало толкать вперед, заставляло цепляться за жизнь. Возможно, инстинкт. Или это где-то глубоко внутри теплилась надежда, что все еще можно исправить. Хотя что толку? Шора-то к жизни не вернуть.

Рубин продвигался медленно, почти ползком, стараясь не шуметь. Каждый шаг был целой процедурой: проверить поверхность, убедиться, что рядом нет аномалий, осторожно перенести вес тела. Иногда он останавливался, чтобы прислушаться. Где-то вдалеке слы-

шался вой мутантов — возможно, собак, а может, и кого похуже. Здесь, в окрестностях, водились самые разные твари, и все они были голодны.

Еще три года назад в Зоне практически не наблюдалось фауны. Только самые разные виды опасных растений, окружающих артефакты. Но сейчас все резко изменилось. Ходили слухи о каких-то экспериментах по селекции, неистовых вивисекторах. Рубину было плевать, почему сложилось именно так, как сложилось. Ему нужно было выжить, не более.

Один раз Рубин наткнулся на «топку». Он, конечно, заметил ее заранее — воздух над землей слегка дрожал, источая тепло, хотя вокруг было холодно и сыро. Сталкер рефлекторно дернулся назад, едва не вскрикнув от боли в боку. Сердце колотилось, как сумасшедшее, любая опасность в таком состоянии вызывала панику. Несколько секунд он сидел на земле, тяжело дыша и пытаясь успокоиться. Потом подобрал какой-то камешек и с досадой бросил его в сторону аномалии. Раздался короткий хлопок, и камешек пропал, оставив после себя лишь пепел.

Дорогу пересекал трубопровод. Он частично разрушился, но все еще держался на опорах, образуя нечто вроде навеса. Беглец решил укрыться под ним — хоть немного передохнуть, обновить перевязку. Спустившись, он старался не шуметь. Под трубой было не слишком уютно, зато здесь хотя бы можно было спрятаться от дождя.

Размотав повязку на боку, Рубин увидел, что рана выглядит плохо — края воспалились, вокруг проступила синюшность. Наверное, пуля задела что-то важное. Он не был врачом, однако даже ему было по-

нятно, что без помощи долго не протянуть. Достав из рюкзака аптечку — то, что от нее осталось, — он разломил одну из таблеток пополам. Половинку проглотил, другую положил под язык, чтобы подействовало быстрее. Спустя несколько минут боль немного отступила, но, конечно, не исчезла полностью.

Пока Рубин снова перевязывал бок, в голове начали крутиться знакомые мысли. Почему все так вышло? Как они успели потерять его доверие? Вспомнил тот день, когда все началось. Они были на обычной вылазке. Ничего сложного, казалось бы. Но что-то пошло не так. Очень не так.

Некогда рефлексировать. Враги были близко. Рубин собрал вещи, проверил оружие. Оставалось только надеяться, что удастся проскользнуть мимо. Или, может быть, Зона решит, что его истории пришел конец. В любом случае выбора у сталкера не было. Только вперед!

Поднявшись на ноги, Рубин почувствовал, как каждая мышца протестует. Выглянул наружу — никого. Сделал шаг, потом еще один. Зона молчала, вот только он знал: она наблюдает. За ним. За ними. За всеми.

Впереди раздался какой-то шум. Рубин замер, услышав глухой крик, который быстро оборвался. Сердце заколотилось чаще. По спине пробежал холодок — не от страха за собственную жизнь, а от предчувствия, что грядущее каким-то образом повлияет на его дорогу.

Пригнувшись, Рубин направился туда, откуда раздался звук. Опрометчиво, но он верил в свое чутье.

Под ногами хрустнуло стекло. Рубин присел и поднял обломок очков с характерной защитной рамкой —

научники часто их носили. Но что делает научник в такой глуши, которую даже промзоной не назовешь?

Из-за перевернутого контейнера послышался шорох. Тело Рубина автоматически приняло боевую стойку, палец лег на спусковой крючок. Однако из укрытия показался не мутант, а человек. Грязный, окровавленный, с безумными глазами. В руках он сжимал устройство, похожее на миниатюрный детектор аномалий.

— Не стреляйте! — хрипло прошептал незнакомец. — Я последний. Все остальные мертвы. Наверное.

Его голос дрожал. Человек явно был на грани, но в глазах читалось что-то еще — осознание собственной незащитности. Ученый медленно опустился на колени, все еще сжимая свое устройство.

«Что с ним произошло?» — пронеслось в голове у сталкера, хотя он знал примерный ответ.

Внезапно Рубин почувствовал, как земля уходит из-под ног. Темнота накатывала волнами, смешиваясь с гудящей болью в висках. Последнее, что он увидел перед тем, как сознание покинуло его, — бледное лицо ученого, его перекошенный от ужаса рот, беззвучно шепчущий что-то. Потом — провал.

Дождь. Не просто дождь — ледяная кара, пронизывающая до костей, превращающая одежду в мокрую тряпку. Капли били по ржавой дырявой крыше ангара, как пулеметная очередь, сливаясь с дыханием людей внутри. Ветер выл в проломах, будто сама Зона смеялась над ними.

В центре, на коленях, дрожал Шор. Его пальцы, перемазанные кровью, судорожно сжимали рану на

руке — глубокою, рваную, оставленную ножом. Каждый вдох давался с хрипом, будто в легких булькала вода. Глаза — широкие, безумные — метались от одного лица к другому, безуспешно ища отклика.

— Ты ублюдок! — Шор метко выплюнул кровавую слюну к ногам Ганди. — Твой «охренительный план» казался паршивым с самого начала! Мы двигались в засаду! Ты ведь специально нас сюда привел, чтобы не делить хабар?! То, что мы выжили, не твоя заслуга!

Ганди, высокий, жилистый, чуть смуглый, с лицом, изрезанным шрамами, со спокойной усмешкой шагнул в сторону Шора, с грохотом ударив сапогом по какой-то банке. По ангару прокатилось эхо.

— Ты сам полез на рожон. Похоже, решил заделаться паштетом пораньше отведенного тебе срока. — Голос Ганди звучал почти ласково. — Постарайся не ныть, Шор. Ты далеко не первый раз на вылазке. Знал правила, когда шел с нами. Как и возможные риски. Если что-то не устраивает, ты здесь лишний.

— То есть я виноват?! — Шор вдруг рванулся вперед, несмотря на рану. Его рука потянулась к пистолету — медленно, слишком медленно. — Я тебе покажу, кто тут лишний!

Нож Ганди лениво сверкнул, затем последовал меткий удар. Лезвие вошло чуть выше ключицы, скользнув по кости с противным хрустом. Шор ахнул, округлив глаза. Его взгляд был полон не столько боли, сколько обиды. Он рухнул на колени, беззвучно шевеля губами.

Рубин застыл на мгновение. Все произошло слишком быстро. Еще секунду назад они были одним отрядом. Теперь же...

— Прекрати! — Его голос прозвучал громче, чем Рубин планировал. Ствол автомата, который он крепко сжимал, был направлен в пол, показывая, что Рубин не путает берега. — Мы же не бандиты, чтобы резать своих! Оставь его. Мы прошли вместе не одну вылазку!

Ганди медленно повернулся к Рубину. В глазах самопровозглашенного лидера читалось что-то холодное, чужое.

— Своих? — Ганди усмехнулся, обводя взглядом остальных. — Рубин, ты слышал, что Шор тут лопотал? Свои так себя не ведут. Ссоры нас ослабляют. Провоцируют недоверие, страх, ругань. К тому же, прикинь, Рубин. Шор ведь уйму крови сейчас теряет! Причем руку ему не я порезал. Для Зоны он уже мертв. Я сократил его страдания, вот и все.

Остальные молчали. Их лица казались высеченными из камня. Рубин не узнавал стоящих перед ним людей. Он видел, как их глаза бегают от Шора к Ганди, как пальцы нервно постукивают по прикладам. Омерзительный оркестр. Они ведь сразу приняли решение. Но терпеливо ждали, кто первым выскажет его вслух.

— Тогда оставьте Шора со мной. — Рубин покачал головой. — Я останусь, пока вы не вернетесь с подмогой. Или хотя бы с носилками.

— Давайте решит Ганди, — раздался голос сзади. Свое ценное мнение высказал наемник по прозвищу Ложка. — Он начал — пусть и заканчивает.

— Заканчивает что? — агрессивно спросил Рубин, обернувшись к нему. — Мы не подонки, чтобы своих же убивать. Что непонятного тут?

Ганди фыркнул, но медленно кивнул.

— Ладно, Рубин. Пускай. Сделаем по-твоему. Я посижу с ним.

Рубин почувствовал, как напряжение немного спало. Он снял со спины выдавший виды рюкзак и присел, чтобы достать бинты. Шор смотрел на Рубина, в его глазах сквозила благодарность — дикая, почти безумная. Такая может возникнуть только у сталкера, которому нечего терять. То есть почти у любого.

— Держись, — едва слышно произнес Рубин, наклоняясь к Шору. — Мы тебя вытащим.

В ответ он услышал короткий, обрывистый вскрик раненого. Потом — хлюпающий звук. Ощутил теплую струю на своей шее. Кровь.

Рубин отпрянул. Шор лежал на полу ангара. Его кровь хлестала из раны, пульсируя в такт угасающему сердцу. Она заливала ржавый пол, смешиваясь с дождевой водой, превращаясь в липкую, темную лужу.

Ганди стоял над Шором, меланхолично вытирая нож о штаны. Его лицо было спокойным, будто он только что прикончил не человека, а надоедливого комара.

— Теперь он не выживет, — произнес Ганди, словно декламируя прогноз погоды. — Нам ничто не мешает поделить хабар и отправиться дальше.

Рубин, впервые за несколько месяцев потеряв самообладание, выхватил пистолет. Первый выстрел прошел мимо — Ганди отпрыгнул с кошачьей грацией. Второй — тоже.

Удар прикладом сзади сбил Рубина с ног. Он рухнул на колени, боль пронзила позвоночник, как раскаленный прут. Второй удар — в голову. Мир точно взорвался. Он попытался подняться, но кто-то наступил ему на руку, прижимая к полу.

— Жаль, — сказал Ганди, подходя ближе. Его голос звучал почти искренне. — Ты был хорошим сталкером.

Рубин увидел, как поднимается ствол. В руках того, кто еще вчера назывался другом. Раздался выстрел. За ним — следующий.

Сознание возвращалось медленно, словно кто-то вытаскивал Рубина из глубокой, вязкой трясины. Сначала пришла боль — тупая, разлитая по всему телу, будто его переехал грузовик. Потом знакомый пронизывающий холод. Промокшая одежда прилипла, под спиной что-то твердое и неровное впивалось в ребра.

Рубин попытался открыть глаза, но веки казались тяжелыми, налитыми свинцом. Где-то рядом капала вода, ее монотонный стук сливался с гулом в ушах.

«Где я... Они... Ганди...»

Мысли путались, обрывки воспоминаний всплывали и тут же где-то тонули. Скрип. Шорох. Шор.

Кто-то был рядом.

Запахи спирта, крови и чего-то прогорклого, словно старые перевязочные материалы.

Адреналин ударил в кровь, и Рубин резко открыл глаза.

Он попытался приподняться, но тело не слушалось. Руки дрожали, мышцы отказывались напрягаться.

«Слабость. Проклятая слабость».

— Т-ты... жив?

Голос. Дрожащий. Рубин медленно повернул голову.

Перед ним сидел худой парень в разорванном комбинезоне. Лицо — бледное, с тенью небритости на

щеках. Глаза — испуганные, с расширенными зрачками. В руках он сжимал окровавленный бинт.

«Не сталкер. Ученый. Мягкотелый».

Рубин попытался что-то сказать, однако вместо слов из горла вырвался какой-то треск.

— Не двигайся. — Парень заерзал на месте, точно боялся приблизиться. — Ты потерял много крови. Я как мог...

Сталкер скосил глаза. Увидел, что рана перетянута бинтами, но они уже промокли насквозь.

«Плохо. Очень плохо».

— Оружие... — пробормотал он.

— Ч-что?

— Дай оружие.

Парень заморгал, потом достал свой пистолет, схватил его кончиками пальцев, словно боялся обжечься, и протянул Рубину.

— Вот. Возьми.

Сталкер попытался поднять руку, вот только пальцы не слушались. Он лишь сумел сжать их в кулак, да и то слабо.

Неужели он встретился с таким идиотом, который готов дать свое оружие в руки незнакомому человеку?

— Кто ты? — выдавил Рубин.

— Антон, работаю инженером. Я здесь по ошибке!

— Что, настоящее имя?

— Я... — Парень потупился. — Честно говоря, я не думал даже. Я же не сталкер, какой мне позывной?

Рубин издал хриплый смешок.

«Трус. Но честный».

— Буду звать тебя Инженером.

— Хорошо.

— Почему не сбежал? Зачем мне помог?

Антон закусил губу.

— Я не знаю дороги. И... — Он посмотрел на устройство, висевшее на поясе. — Даже с детектором один здесь не выживу.

— Думал, что я тебя выведу? Что, детектор не справляется? Что он вообще показывает?

— Я думал, что ты умрешь. Но если выживешь, то поможешь мне. Надеюсь.

Рубин закрыл глаза, сделав вид, что не обратил внимания на то, как парень уклонился от ответа на вопрос о детекторе.

«Наивный идиот».

Но что-то в нем все-таки вызывало симпатию.

— Откуда такая уверенность? — с усмешкой спросил Рубин.

— Показалось.

— Ты первый раз в Зоне?

Антон кивнул:

— Нас отправили за образцами. Но... — Он замаялся, похоже, сочиняя на ходу, как соврать.

— Но вас нашли.

— Да.

Рубин вздохнул.

— Если... если я выживу... — начал он, однако голос предательски дрогнул.

Антон поднял глаза.

— Да?

— ...я тебя пристрелю.

Парень замер, потом нервно рассмеялся.

— Хорошо. Но сначала выживи.

ГЛАВА 2

Тяжелое серое небо поливало Антона мерзкой моросью. Ученый откашлялся, сплевывая землю, попавшую в рот.

До сих пор не верилось, что он, самый обычный инженер, занятый в производстве датчиковой аппаратуры, оказался здесь, в Зоне. У него весьма неплохо складывалась карьера, ему пророчили должность начальника сектора, пока вдруг не сменилось руководство. Молодой начальник-самодур Антона сразу невзлюбил. Впрочем, и гордый опытный инженер под него стелиться не стал, а из-за этого то и дело начали случаться конфликты. Когда подвернулась возможность, ушлый начальник повесил на подчиненного чужой косяк, а потом стал им шантажировать: либо увольнение, либо месячная командировка. А так как этот высокопоставленный молокосос оказался племянником директора, жаловаться было некому, пришлось принимать правила игры. Антон рассудил, казалось бы, здраво: ну командировка и командировка — чего страшного в том, чтобы съездить куда-то по работе на месяц?

Он даже и не подозревал, куда его закинут. Иначе предпочел бы увольнение.

Антон о Зоне знал только по школьным страшилкам. Она казалась чем-то далеким, нереальным. Есть ли вообще эти артефакты и аномалии, о которых говорят? Больше похоже на городские легенды, раздутые желтыми СМИ.

Так он оказался в мобильной лаборатории, где ему пришлось заниматься совершенно новыми для него вещами. Профиль у него смежный, но все-таки другой. Зато теперь он убедился, что зря был так скептически настроен. Уж если артефакты и порождающие их аномалии реальны и даже являются объектами серьезного изучения, то и остальные жуткие вещи, которые рассказывали об этих местах, должны существовать.

В Зоне он находился без году неделя, когда пришлось выйти в первую экспедицию. Похоже, что и в последнюю.

Во рту собралась земля, глаза застилала кровь, все тело жутко болело. Кое-как он поднялся и осмотрел себя: комбинезон теперь напоминал халат мясника. Антон протер глаза — и в этот момент вдруг понял, что на нем нет очков. Искать их долго не пришлось: вот на земле лежит одна половина, а вон там, чуть подалее, — другая. Чертыхнувшись, Антон принялся неловко выбираться из ложбины, в которую свалился. Огляделся и приметил ржавый контейнер.

Вокруг оказалось нечто вроде недостроенной промзоны — или же того, что от нее осталось. Антон приметил полуразрушенный бетонный забор с ржавой колючей проволокой, за ним высились трубы котельной. Тут и там стояли приземистые здания, вдали вывышался многоэтажный дом с полностью разбитыми окнами. Еще от одного строения не осталось практически ничего, кроме каркаса. В остальном же Антона окружало сплошное поле с редкими деревьями.

А вот признаков бойни нигде не было. Будто бы Антон внезапно оказался в совершенно другом месте. Но как такое возможно?

Он робко прошелся вперед, крепко сжимая в руке детектор, который чудом не потерял. Хотя, честно говоря, выкинуть бы его подальше и забыть об этой проклятой работе в этом проклятом месте. Вернуться домой, к родным, а еще к таким привычным датчикам и преобразователям. На работу, где на тебя кидается максимум отбитый и некомпетентный начальник, но никак не мутанты.

Раньше ему казалось, что главная проблема в этой командировке — это взаимоотношения с персоналом лаборатории. У них были свои специалисты по данному направлению работ, и им не очень нравилось, что по звонку сверху прислали какого-то неженку с Большой земли, которому ужасы Зоны абсолютно чужды. Он честно выполнял свою работу, и тем не менее от него при любой возможности пытались отмахнуться: иди, мол, заполняй свои бумажки, а испытания мы проведем как-нибудь без тебя.

Это выводило его из себя. В конце концов, он инженер, а не какой-то бюрократ.

Сейчас Антон внимательно осматривался вокруг и пытался понять, что же произошло. Нет, от группы и тех чудищ не осталось и следа. Ученый напрягся и стал прокручивать в голове последние события.

Их небольшую экспедицию сопровождали военные, чье присутствие несколько успокаивало. Сначала они ехали на автомобилях, потом перешли на пеший ход. Антон плелся в самом конце их процессии (если не считать военных, прикрывавших с тыла) и крутил в руках детектор, то и дело нервно поглядывая на него.

— Новенький, чего плетешься? — кричал ему кто-то. — Шевелись давай! Пободрее!